

DOI: 10.31857/S086919080028821-0

МИССИЯ МЕГАСФЕНА

© 2023

А.А. ВИГАСИН ^а^а – ИСАА МГУ, Москва, Россия

ORCID: 0009-0005-2166-795X; alexey.vigasini@gmail.com

Резюме: Статья посвящена анализу сведений в античных источниках о дипломатических отношениях между державой Селевкидов и империей Маурьев. Важнейшим эпизодом в истории этих контактов было посольство Мегасфена в Индию. Одним из результатов дипломатической миссии явилось создание труда Мегасфена «Индика» – наиболее ценного античного источника об Индии. Этот памятник не сохранился, но известен благодаря многочисленным цитатам у более поздних греческих и римских писателей. Автор статьи приходит к выводу о том, что знаменитое посольство Мегасфена в Индию состоялось в обстановке острого конфликта между Селевком Никатором и Чандрагуптой. Речь должна идти о походе Селевка примерно в 303 г. до н.э. В результате дипломатических переговоров был заключен мирный договор, скрепленный брачным союзом, – по всей видимости, дочь Селевка стала женой наследника престола Маурьев. Так как Мегасфен говорит о неоднократных визитах к Чандрагупте, можно думать, что он и сопровождал селевкидскую принцессу в Паталипутру. Делавшиеся в недавнее время попытки датировать посольство Мегасфена и создание его труда значительно более ранним временем или, напротив, отнести заключение мирного договора к началу III века до н.э. противоречат сообщениям античных источников. Греческое культурное влияние в Индии III в. до н.э. может объясняться не только мирными контактами Индии с эллинистическим миром, но и династическим союзом между Маурийской империей и царским двором Селевкидов.

«Индика», написанная в начале III в. до н.э., – важнейший греческий источник об Индии. Однако содержание этого текста – вопреки мнению, устоявшемуся в историографии, – не дает оснований говорить о длительном пребывании Мегасфена в столице Маурьев, о его путешествиях по Индии и о знакомстве автора с индийскими языками.

Ключевые слова: Мегасфен, Селевк, Чандрагупта, империя Маурьев, мирный договор.

Для цитирования: Вигасин А.А. Миссия Мегасфена. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 52–60. DOI: 10.31857/S086919080028821-0

THE EMBASSY OF MEGASTHENES

© 2023

Alexey A. VIGASIN ^а^а – Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0005-2166-795X; alexey.vigasini@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the analysis of Ancient Greek sources on the diplomatic relations between the Seleucid state and the Mauryan Empire. The author of the article comes to the conclusion that the famous embassy of Megasthenes to India took place in the context of an

acute conflict between Seleucus Nicator and Candragupta Maurya, particularly Seleucus' military campaign against the Mauryan Empire around 303 BC. As a result of diplomatic negotiations, a peace treaty was concluded, sealed by a marriage alliance – apparently, the daughter of Seleucus became the wife of the heir to the Mauryan throne. Since Megasthenes mentioned repeated visits to Candragupta, one can conclude that he could have accompanied the Seleucid princess to Pataliputra. Recent attempts to date the embassy of Megasthenes and publication of his “Indika” to a much earlier period or, on the contrary, to attribute the conclusion of the peace treaty to the early 3rd century, clearly contradict the reports of ancient historical sources. Greek cultural influence in India of the 3rd century BC can be explained not only by peaceful relations between India and the Hellenistic world, but also by the dynastic ties between the Mauryan Empire and the royal court of the Seleucids.

Description of India by Megasthenes, published in the early 3rd century BC, is the most important Greek source about Mauryan Empire. However, the content of this text – contrary to the opinion established in historiography – does not give grounds to talk about Megasthenes' long stay in Pataliputra, about his travels around India or about the author's acquaintance with Indian languages.

Keywords: Megasthenes, Seleucus, Candragupta, Mauryan Empire, peace treaty.

For citation: Vigasin A.A. The Embassy of Megasthenes. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 52–60. DOI: 10.31857/S086919080028821-0

Как известно, самым ценным античным источником об Индии является сочинение Мегасфена «Индики». Автор его был послом Селевка Никатора к Чандрагупте, основателю державы Маурьев. В историографии нередки утверждения [Smith, 1924, p. 126; Stein, 1931, Kol. 233], что Мегасфен прибыл в Индию **после** подписания мирного договора между Чандрагуптой и Селевком. Он будто бы много лет жил в Паталипутре¹ (пока его не сменил Деимах), путешествовал [Stein, 1931, Kol. 233] и овладел языком [Stein, 1931, Kol. 299]. Утверждения эти безосновательны. В отличие от современной практики, послы в то время, как правило, не жили за рубежом – они приезжали с конкретной миссией передачи послания и ведения переговоров [Olshausen, 1979].

Плиний (*Plin.* NH. VI. 61) говорит, что расстояния в Северо-Западной Индии сообщают бематисты («путемеры») Александра Македонского. Но к востоку от Гифасиса (Биаса) Александр не бывал, и дальнейший путь до океана измерен был для Селевка Никатора². Имеется в виду посольство Мегасфена к Чандрагупте. Однако здесь же порою указаны и варианты расстояний между пунктами с пометкой: «а другие передают». Скорее всего, под «другими» имеется в виду Деимах, который был послан к сыну Чандрагупты Биндусаре и также оставил записки об Индии. В сохранившихся фрагментах Мегасфена перечисляются притоки Ганга, которые он пересекал на пути в Паталипутру. При этом автор «Индики» совсем не знает рек даже северного Декана – таких, как Махи, Тапти, Нармада или Маханади. То есть за пределами дороги до столицы Мегасфен не бывал – даже в низовьях Ганга (нет уверенности в идентификации Брахмапутры). Страбон (*Strab.* XV. 1. 11) говорит, что расстояние до Паталипутры измерено точно, а далее – лишь приблизительно, по

¹ Лет десять, по оценке А. Диле [Dihle, 1984, S. 109].

² *Reliqua inde Seleuco Nicatori peragrata sunt* следует трактовать как «остальное пройдено для Селевка Никатора». Попытка на этом основании говорить о походе Селевка до Ганга [Altheim, 1970, S. 319] явно несостоятельна, тем более что у Плиния здесь говорится о расстояниях не только до Ганга, но и до Паталипутры, столицы Магадхи.

тому, сколько времени занимает плавание от устья Ганга. Мегасфен не имел возможности продолжить путешествие на восток, к океану. Но, находясь в столице, он расспрашивал капитанов кораблей, прибывавших в Паталипутру.

Правда, в труде Мегасфена содержались упоминания о природных явлениях, которые можно видеть только в Южной Индии. Так, например, он сообщает (*Plin. NH. VI. 69; Strab. II. 1. 19*), что «во многих местах Индии» тени в течение нескольких месяцев падают к северу, а в остальное время года – к югу. Но эта информация появляется у него в связи с соответствующим указанием Бэтона, «путемера» Александра. Район, о котором идет речь, – *mons Maleus* (вариант чтения в рукописях *Malaeus*). Несомненно, имеется в виду Малая – южная оконечность Западных Гхат. Ни Бэтон, ни Мегасфен в Керале не бывали. У Бэтона это результат расспросов индийских моряков где-то в устье Инда³. А Мегасфен внимательно читал записки спутников Александра и, будучи в Индии, проверял информацию, задавая вопросы индийцам. Так и появилась локализация «горы Малей»: «за ними (за страной Палиботров. – *A.B.*) во внутренних областях» Индии (*Plin. NH. VI. 69: ab his in interiore situ*, ср. у Солина 52. 13: *ultra Palibothram mons Maleus*).

Точно такую же ситуацию мы можем представить и в отношении острова Тапробаны, то есть Ланки. Впервые в античной литературе об этом острове рассказал кормчий Александра Онесикрит (*Plin. NH. VI. 81*). Он получил информацию от индийских моряков в портовом городе Патала, в районе современного Карачи. Мегасфен, читавший труд Онесикрита, расспрашивал о Тапробане индийских моряков, которых встретил в Паталипутре. У Плиния (*Plin. NH. VI. 82*) соединены сведения, сообщаемые обоими писателями, так что 20 дней плавания⁴ до Тапробаны, о которых говорил Онесикрит, отнесены к расстоянию не от Паталы в дельте Инда, а «от народа Прасиев». Последнее выражение имеет в виду столицу Магадхи Паталипутру, и, следовательно, восходит к Мегасфену. Такого рода устно-расспросная информация не может считаться свидетельством о далеких путешествиях посланца Селевка.

Плиний приводит многочисленные названия индийских племен⁵, давая довольно точную их локализацию. Мы имели бы право рассматривать это как доказательство основательных познаний Мегасфена в области этнографии и географии Индии, если бы источником Плиния было сочинение селевкидского посла. Но никаких оснований для подобной уверенности нет. Приводя индийские этнонимы, Плиний ни разу не ссылается на Мегасфена. У тех античных авторов, которые активно использовали труд Мегасфена (Диодор Сицилийский, Страбон, Арриан), нет ни малейших совпадений с этим «каталогом народов». Даже в те времена, когда исследователи были склонны едва ли не все сообщения об Индии приписывать Мегасфену, Е. Шванбек [Schwanbeck, 1846, p. 161–168] поместил этот «каталог» в разряд *fragmenta incerta*. Б. Тиммер [Timmer, 1930, p. 16] заметила, что *catalogus gentium* восходит к более позднему анонимному источнику. Правда, здесь же она высказала предположение, что автор этого источника мог использовать труд Мегасфена. Но как фонетическая форма слов, так и содержание отдельных пассажей противоречит такому допущению [Вигасин, 2007, с. 196–198].

³ Ср. фантастический рассказ Онесикрита о том, что в тех краях, «где нет теней», обитает народ ростом 5 локтей и две ладони, а срок жизни их – 130 лет, причем и в этом возрасте они не достигают старости (*Plin. NH. VII. 28*). Конечно, это фольклорные рассказы индийцев.

⁴ Солин (*Solin. 53.4*) передает этот фрагмент Плиния почти дословно: *A Prasia Indorum gente dierum viginti primo in eam fuit cursus*. Ср. сообщение Плиния (*Plin. NH. VI.57*) о длине морского побережья Индии: «Многие определяли всю длину ее в 40 дней и ночей плавания под парусами». *Sexaginta dies noctesque* у Помпония Мелы (*Mela. III. 61*) возникли, очевидно, вследствие невнимательности переписчика (LX вместо XL).

⁵ Вслед за О. Штейном, Дункан Дерретт говорит о 98 племенах [Derrett, 1979, Kol. 1154].

По свидетельству Плиния (*Plin. NH. VI. 60*), индийских народов насчитывается 118, при этом он ссылается на труд Сенеки об Индии. Первоисточником в данном случае было сочинение Мегасфена, ссылка на которого имеется у Арриана (*Arr. Ind. 7*). Здесь же Арриан выражал недоумение, как селевкидский посол мог сосчитать количество индийских племен, между тем как он не прошел и ничтожной части страны. Ситуация кажется очевидной – число индийских народов появилось не в результате подсчетов во время далеких путешествий греческого посла. Мегасфен всего лишь пересказывает то, что ответил на его вопрос некий собеседник в Паталипутре (приставленный к нему переводчик?). Никакого отношения к реальности это число не имеет – речь идет о круглых и сакральных для индийца цифрах (100+18). Подобная информация не может рассматриваться как свидетельство основательного знакомства путешественника со страной.

Весьма сомнительно, что он имел представление об индийских языках. Лексика, сохранный Мегасфеном [*Stein, 1931, Kol. 298–301; Franke, 1902, S. 69–74*], которую можно сопоставить с санскритской или праkritской, крайне немногочисленна. К тому же часто нет уверенности в том, что слова, приводимые в позднейшей античной литературе без упоминания имени Мегасфена, восходят к его утерянному труду. Перечисление притоков Ганга (*Arr. Ind. 4*), несомненно, принадлежит автору «Индики», но гидронимы так искажены, что их трудно отождествить. Это свидетельствует о том, что местных языков он не знал, – а следовательно, вряд ли долго жил в Индии. В «каталоге народов» у Плиния индийские этнонимы переданы более точно, но, как уже было сказано, сам текст не имеет отношения к Мегасфену.

Мегасфен был избран для заключения мира, так как входил в окружение Сибиртия – сатрапа Арахосии (*Arr. Anab. V. 6. 2*). В этом качестве он издавна имел возможность посещать соседние районы Индии и встречаться с царем Пором (*Arr. Ind. 5*)⁶, сатрапом Восточного Панджаба и Синда. Однако предположение [*Bosworth, 1996*], будто контакты с Пором и с Чандрагуптой могли происходить в одно и то же время, а именно в 320–318 гг. до н.э., совершенно невероятно. А. Босворт думает, будто Чандрагупта завоевал Панджаб **после** того, как пришел к власти в Магадхе. Но такая последовательность событий противоречит как индийской традиции, так и сообщению Юстина (*Iust. XV. 4. 12–14*) о том, что Сандрокотт овладел Панджабом в результате поднятого им восстания против наместников Александра. Античные авторы с уверенностью говорят о том, что Мегасфен был послом Селевка Никатора (*Strab. XV. 1. 36; ср. Clemens Alex. I. 15. 72. 5*)⁷. Но в 320–318 гг. до н.э. положение Селевка в эллинистическом мире не позволяло ему завязывать дипломатические отношения с государством на далеком Востоке, в долине Ганга.

В указанный исследователем период Мегасфен мог посещать лишь Пору – и, конечно, по поручению сатрапа Сибиртия, а не Селевка. А в 317 г. до н.э. Пор был убит (*Diod. XIX. 14. 18*). Лишь после этого начинается борьба Чандрагупты за власть в Панджабе, а затем и с

⁶ В подтверждение встреч Мегасфена с Пором М.Д. Бухарин [Бухарин, 2002, с. 59] ссылается на текст Солина (52. 3), согласно которому автор «Индики» посетил индийских царей (во мн. числе). Аргумент сомнительный – ведь у Солина этот фрагмент (*Megasthenes sane apud Indicos reges aliquantisper moratus*) содержит небрежную, как обычно, парафразу Плиния (*Plin. NH. VI. 58*): *auctoribus Graecis, qui cum regibus Indicis morati, sicut Megasthenes et Dionysius*. К тому же вряд ли правильно переводить *aliquantisper* как «довольно долго». Это всего лишь «какое-то время», чаще всего именно «недолго». М.Д. Бухарин, видимо, некритически последовал за Ж. Андре «assez longtemps» [André, Filliozat, 1986, p. 146]. Верный перевод дает Кай Бродерсен: «Tatsächlich hielt sich Megasthenes eine Zeitlang bei den indischen Königen auf» [Solinus, 2014, S. 291].

⁷ Совершенной нелепостью является утверждение О. фон Хинюбера [Hinüber, 2019, p. 1343], будто Мегасфен был послом Антиоха Сотера (281–261 гг. до н.э.), а его преемника Деиимаха отправил к Биндусаре Антиох Теос (261–246 гг. до н.э.). Помимо противоречия с античными источниками укажем на полное несоответствие хронологии. Посол Антиоха Сотера не мог бы находиться при дворе Сибиртия, и Ашока сменил Биндусару на престоле раньше, чем Антиох Теос стал царем государства Селевкидов.

правителем державы Нандов. Последняя закончилась его коронацией в Паталипутре около 313 г. до н.э. [Вигасин, 2021, с. 304]. А.Б. Босворт предложил датировать труд Мегасфена примерно 310 г. до н.э. Он полагает, что Мегасфен не мог бы излагать миф о победоносном походе «Диониса» в Индию, если бы его труд появился после «бесславного похода Селевка» – чтобы не создавать невыгодный для его патрона контраст [Bosworth, 1996]. Аргументация подобного рода представляется крайне слабой. Есть и прямые противоречия с предлагаемой датой. Мегасфен был знаком с сочинением Onesikrita. Между тем, по словам Плутарха (*Plut. Alex. XLVI*), Onesikrit читал свой труд Лисимаху в то время, когда тот уже был царем. Это значит, что записки Onesikrita были закончены после 305 г. до н.э. [Brown, 1949, p. 7], а «Индика» Мегасфена составлена не ранее рубежа IV–III вв. до н.э.

В одном из фрагментов (Strabo XV. 1. 53) говорится, что Мегасфен прибыл в лагерь Чандрагупты, где находилось 400 тыс. человек, то есть все индийское войско⁸. Посол прибыл для переговоров с царем – и Чандрагупта, конечно, в то время находился при войске. Это значит, что посольство состоялось в обстановке большой войны. Датировать эту войну можно достаточно точно. Селевк предпринял индийский поход после того, как овладел Бактрией в 304 г. до н.э. (*Iust. XV. 4. 11–12: Bactrianos expugnavit, transitum deinde in Indiam fecit*). По условиям мирного договора он получил от Чандрагупты 500 боевых слонов (*Strab. XV. 2. 9; Plut. Alex. LXII*). Этих слонов он содержал в Апамее-на-Оронте (*Strab. XVI. 2. 10*). В 301 г. до н.э. в битве против Антигона Одноглазого при Ипсе у Селевка было 480 слонов (*Diod. XX. 113*) – несомненно, тех самых, что получены были из Индии⁹. Следовательно, мирный договор был подписан не позднее 302 г. до н.э.

Такая датировка вполне традиционна, и попытки ее опровергнуть не кажутся убедительными. Невозможно согласиться с М.Д. Бухариным [Бухарин, 2002, с. 56], будто подписание договора состоялось через несколько лет после битвы при Ипсе. Аргументация этого революционного тезиса такова: Аппиан (*App. Syr. 55*) перечисляет страны и народы, которые находились под властью Селевка после того, как пал Антигон Одноглазый. М.Д. Бухарин понимает этот текст так, что все они были завоеваны позднее, чем состоялась битва при Ипсе. Однако Аппиан прямо говорит, что «часть этих деяний Селевк совершил до смерти Антигона, другую после его смерти». И во фрагментах Помпея Трога (*Trog. Prol. XV*) мы видим ту же последовательность событий: о конфликте Селевка и царя индийцев Сандрокотта говорится до гибели Антигона. По мнению М.Д. Бухарина, слоны, полученные от Чандрагупты, использовались не в войне с Антигоном, а в более поздней – против Лисимаха. Но в таком случае пришлось бы отвергнуть свидетельства источников, в том числе Диодора, который в данной главе следовал Иерониму из Кардии, участнику битвы при Ипсе [Jacoby, 1913, Kol. 1541].

Встреча Мегасфена с Чандрагуптой в военном лагере состоялась примерно в 303 г. до н.э. Скорее всего, он прибыл в Индию в связи с заключением мира. По условиям договора Селевк уступил Чандрагупте Арахосию (*Strab. XV. 2. 9*). Этот успех индийской дипломатии объясняется тем, что царь был крайне заинтересован в обеспечении мира на восточных границах державы перед решающей схваткой с Антигоном. Юстин (*Iust. XV. 4. 21*) говорит: «Заключив с ним договор и уладив дела на востоке, Селевк вступил в войну с Антигоном». Возможно, в действительности Арахосия перешла под власть индийцев

⁸ По сообщению Диодора (*Diod. XVII. 93. 2*) и Курция Руфа (*Curt. IX. 2. 3*), у предшественника Чандрагупты, правителя державы Нандов, было 200 тыс. пехотинцев. По словам Плутарха (*Plut. Alex. 62*), Чандрагупта располагал войском в 600 тыс. человек, такую же цифру называет Плиний (VI. 68), говоря о военных силах правителя Паталипутры. Кстати сказать, если бы мы, следуя А. Босворту, считали Чандрагупту в 320 г. до н.э. только правителем государства в долине Ганга, его войско не могло бы насчитывать 400 тыс. человек.

⁹ Плутарх (*Plut. Dem. 28*) говорит, что при Ипсе у противников Антигона было 400 боевых слонов (против 75 у самого Антигона).

еще раньше, пока диадохи были поглощены междоусобной борьбой на Ближнем Востоке. Тогда мирный договор всего лишь подтверждал отсутствие притязаний Селевка на эту территорию.

Греческие эдикты Ашоки, найденные в Кандагаре, доказывают, что и в середине III в. до н.э. Арахосия принадлежала Маурьям. Это положение пытался опровергнуть Л. Шюбер [Schober, 1981, S. 160 f.], по мнению которого содержание знаменитых эдиктов – всего лишь религиозно-этическая проповедь, а в таком случае вполне можно представить распространение гуманных идей далеко за границами государства. Но индологу трудно с этим согласиться – дхарма эдиктов Ашоки демонстрирует статус царя как вселенского правителя (чакравартина). Проповедь дхармы была средством легитимации имперской власти [Вигасин, 2007, с. 138–148]. Большие наскальные эдикты размещались по границам державы и, конечно, не могли быть высечены за ее пределами.

По сообщению Страбона (*Strab.* XV. 2. 9), Селевк Никатор, отдав Арахосию в обмен на 500 слонов, заключил с Чандрагуптой *ἐπιγαμία*. Указанное греческое слово иногда употребляется в значении латинского *conubium* (право на заключение брака между гражданами разных полисов). Таким именно образом его нередко и толкуют в данном контексте [Skurzak, 1964, p. 225]. Предполагается признание законности брачных контрактов между греческими колонистами и местными жителями. Однако социальная действительность Индии существенно отличалась от того, что было привычно в античном мире. Законность брака в Индии не могла быть следствием каких-либо межгосударственных договоров. Она основывалась на соблюдении религиозных обрядов в соответствии с предписаниями шастр и местными обычаями. Допустимость браков между лицами разного происхождения определялась не решениями верховной власти, а вердиктом касты и мнением ученых брахманов. Индийский царь не имел права определять кастовый статус той или иной социальной группы.

Иногда исследователи ссылаются на фрагмент «Ману-смрити» (X. 43–44), согласно которому греки (*yavana*) являются по происхождению кшатриями, опустившимися до положения шудр [La Vallée Poussin, 1930, p. 59]. Но эти двуступицы не имеют никакого отношения к тем или иным межгосударственным договорам. Греки названы вместе с другими народами (саками, парфянами, китайцами, дравидами и т.д.) – и сам этот перечень свидетельствует о том, что текст был создан через несколько веков после Селевка и Чандрагупты. Очевидно, следует придавать слову *ἐπιγαμία* более общее и привычное значение брака, замужества. Такое толкование подтверждается текстом Аппиана (*App.* Syr. 55), который говорит, что Селевк заключил с Чандрагуптой союзный договор: о дружбе (*φιλία*¹⁰) и о свойстве (*κῆδος*). Для последнего термина значение *conubium* вовсе не засвидетельствовано. Обычно речь идет о выдаче замуж дочери и установлении отношений свойства (Philo I. 553: *κατ' ἐπιγαμίαν... κῆδος συνάπτειν* [Liddell, Scott, 1996, p. 946]).

Договоры о политическом союзе часто скреплялись брачными связями между династиями. Ситуацию в семье Селевка мы представляем. Его первой женою была Апама, дочь знатного бактрийца Спитамена, мать Антиоха, родившегося в 324 г. до н.э. После битвы при Ипсе Селевк взял в жены дочь Деметрия Полиоркета Стратонику. Тем самым был закреплен его союз с сыном Антигона, заключенный в ожидании войны с Птолемеем и Лисимахом. В 294 г. до н.э. он уступил Стратонику в жены своему наследнику Антиоху I. Таким образом, индийская принцесса не могла выйти замуж за одного из первых Селевкидов. О женах и невестках Чандрагупты сведений нет. В отличие от Селевкидов, индийские цари имели множество жен – поэтому легче представить, что гречанка могла появиться в семье прави-

¹⁰ Через сто лет Антиох III этот договор о дружбе возобновил с одним из наследников Маурьев Софагасеном (*Polyb.* XI. 34. 11).

телей Магадхи [Tarn, 1938, p. 174]. Чандрагупта не имел права издать закон о разрешении межкастовых браков, но сделать исключение для собственной фамилии он мог.

Известно, что у Антиоха была младшая сестра Лаодика [Laodike 12, 1924]¹¹. Стефан Византийский сообщает, что город Лаодикею Антиох назвал в честь сестры¹². Возможно, она и стала супругой наследника индийского престола? В таком случае сама уступка Арахосии могла быть оформлена как приданое (так Антиох III отдал Келесирию Птолемею V в качестве приданого за своей дочерью Клеопатрой). Естественно, принцессу должны были привезти не в военный лагерь, а в столицу, и для этого требовалось новое посольство. Было бы естественно включить в состав этого посольства Мегасфена, который уже бывал в Индии. Во всяком случае, он писал, что неоднократно (πολλάκις) встречался с Чандрагуптой (Arr. Anab. V. 6. 2). На этот раз встреча состоялась не в военном лагере, а в царском дворце. Могут быть некоторые сомнения относительно того, что описание городских укреплений Паталипутры основано на личных наблюдениях Мегасфена – возможно, была использована и устно-расспросная информация [Вигасин, 2021, с. 280–290]. Но измерения пути до Паталипутры и расспросы моряков показывают, что греческого посла принимали именно в столице.

В 303 г. до н.э. Чандрагупте было лет 40, а его сын Биндусара был примерно в том же возрасте, что и Антиох. Конечно, мы вступаем в область рискованных предположений, но нет ничего невозможного в том, что младшая сестра Антиоха стала супругой Биндусары. Царский статус Селевка не позволяет думать, что его дочери была уготована роль простой дамы гарема. Идея, будто именно эта гречанка стала матерью Ашоки [Thapar, 1983, p. 20], кажется фантастической. Никаких подтверждений ей нет. Можно лишь, вслед за Р. Тхапар [Thapar, 1983, p. 139], утверждать, что Ашока должен был встречать гречанку при дворе.

Следует отметить значительное влияние греков при первых правителях из династии Маурьев. Шрифт брахми появился, видимо, после знакомства с греческим алфавитом [Falk, 1993, S. 337 f.]. Переключки между эдиктами Ашоки и эллинистической дидактикой [Yailenko, 1990, p. 239–256] могут быть не только типологическими параллелями, но и следами культурных влияний, хотя в индийском и греческом культурном контексте идеи получают совершенно разное осмысление [Festugière, 1951–52]. Первые памятники каменной скульптуры датируются правлением Ашоки. Символика изображений на капителях его колонн кажется индийской, но художественный стиль, безусловно, эллинистический. Полагают, что сама практика сооружения одиноко стоящих колонн восходит к греческим образцам [Ставиский, 1995]. Конечно, в Магадху могли приезжать греческие колонисты из присоединенных при Чандрагупте областей Северо-Западной Индии. Но не исключено, что после заключения матримониального союза (κῆδος) между двумя династиями греки появились и при магадхском дворе. Тогда в новом свете предстанет дружеская переписка Антиоха – сына Селевка и Биндусары – сына Чандрагупты (Athen. XIV. 652–653). Более того, окажется, что внук Чандрагупты отправил посольство к «царю греков Антийоке», то есть Антиоху Теосу, внуку Селевка Никатора, не только как к соседу, но даже свойственнику.

Одним из важных источников по истории Древней Индии является «Аштадхьяи», грамматика санскрита, составленная Панини. В многочисленных примерах, иллюстрирующих грамматические правила, можно усматривать отражение эпохи составления памятника. Впервые в санскритской литературе Панини упоминает слово *yavana* (грек). Когда-то делались попытки отнести создание текста к глубокой древности на основании того, что «явана» должно восходить к наименованию ионийцев, включающему дигамму. Но, по всей

¹¹ Лаодику упоминают также Евстафий и Иоанн Малала.

¹² Видимо, имеется в виду Лаодикея в Мидии (Cohen, 2013, p. 218–219).

видимости, это слово восходит к семитскому *uwn* (к арамейскому – языку ахеменидской канцелярии). Упоминание греков свидетельствует о том, что грамматика Панини относится ко времени после похода Александра Македонского, приблизительно к рубежу IV–III вв. до н.э.

В грамматике излагается правило (IV. 1. 49) о том, что женский род существительных может быть образован добавлением аффикса *-ānī*. Приводятся примеры: Индрани (жена Индры), Варунани (жена Варуны), *ācāryānī* («жена учителя-ачарья») и *yavanānī* («гречанка» или «жена грека»). Катьяна говорит, что слово *yavanānī* относится к «письменности-*lipi*» (*yavanāllipyām*). Во времена этого комментатора, лет через 150 после Панини [Kane, 1968, p. 79], греческое письмо было индийцам знакомо, но слово «письменность» явно выбивается из того контекста, в котором слово *yavanānī* фигурирует у Панини. Уж не идет ли у него речь о конкретной «гречанке», о которой знали современники Панини – о дочери греческого царя (*yavana*) Селевка Никатора, прибывшей из эллинистической Сирии в далекую Паталипутру? В санскритской литературе жен царя обычно именовали по этническому происхождению отца: Мадри – дочь царя мадров, Кайкеи – от Кекая, Гандхари – от Гандхара, Каушалья – от Кошала, Малави – от Малава, Вайдехи – дочь царя Видехи и т.д. Если дочь Селевка действительно оказалась при маурийском дворе, ее, скорее всего, называли бы Яванани.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бухарин М.Д. «Индика» Мегасфена в литературе древности и историографии нового и новейшего времени. Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А. *Индия и античный мир*. М.: Восточная литература, 2002. С. 48–137 [Bukharin M.D. Megasthenes' "Indika" in Ancient Literature, Modern and Contemporary Historiography. Bongard-Levin G.M., Bukharin M.D., Vigin A.A. *India and the Classical World*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. Pp. 48–137 (in Russian)].

Вигасин А.А. *Древняя Индия: от источника к истории*. М.: Восточная литература, 2007 [Vigin A.A. *Ancient India: from Historical Sources to the History*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007 (in Russian)].

Вигасин А.А. *Индийские этюды*. М.: Наука – Восточная литература, 2021 [Vigin A.A. *Indian Studies*. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2021 (in Russian)].

Ставиский Б.Я. Свободно стоящие колонны буддистов Центральной Азии и ранних христиан Закавказья: вопрос об их происхождении. *Вестник древней истории*. 1995. № 1. С. 140–147 [Stavisky B.Y. Isolated Columns of Buddhists of Central Asia and Early Christians of Transcaucasia: the Problem of Origin. *Journal of Ancient History*. 1995. No. 1. Pp. 140–147 (in Russian)].

Altheim F., Stiel R. *Geschichte Mittelasiens im Altertum*. Berlin: De Gruyter, 1970.

André J., Filliozat J. *L'Inde vue de Rome*. Paris: Les Belles Lettres, 1986.

Bosworth A.B. The Historical Settings of Megasthenes' "Indika". *Classical Philology*. 1996. Vol. 91. No. 2. Pp. 113–127.

Brown T.S. *Onesicritus. A Study in Hellenistic Historiography*. Los Angeles: University of California, 1949.

Cohen G.M. *The Hellenistic Settlements in the East from Armenia and Mesopotamia to Bactria and India*. Los Angeles: University of California, 2013.

Derrett D. Megasthenes. *Der kleine Pauly. Lexikon der Antike*. Bd. 3. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. Kol. 1150–1154.

Dihle A. *Antike und Orient*. Heidelberg: Carl Winter. Universitätsverlag, 1984.

Falk H. *Schrift im alten Indien*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993.

Festugiére A.-J. Les inscriptions d'Asoka et l'ideal du roi hellénistique. *Recherches de Science Religieuse*. 1951–1952. Vol. XXXIX–XL. Pp. 31–46.

- Franke O. *Pāli und Sanskrit*. Strassburg: Karl Trübner, 1902.
- Hinüber O. von. Did Hellenistic Kings Send Letters to Asoka. *Hinüber O. von, Kleine Schriften*. Teil III. Pp. 1341–1346.
- Jacoby F. Hieronymos aus Kardia. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. XVI Halbband. Stuttgart, 1913. Kol. 1541.
- Kane P.V. *History of Dharmaśāstra*. Vol. I. Poona: Bhandarkar Oriental Research Institute, 1968.
- Laodike 12. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. XXIII Halbband. Stuttgart, 1924. Kol. 700–701.
- La Vallée Poussin L. de. *L'Inde aux temps des Mauryas*. Paris: De Boccard, 1930.
- Liddell H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Olshausen E. Zur Frage ständiger Gesandtschaften in hellenistischer Zeit. *Antike Diplomatie*. H. Biller, E. Olshausen (eds.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1979. S. 291–317.
- Schober L. *Untersuchungen zur Geschichte Babyloniens und der Oberen Satrapien von 323–303 v. Chr.* Frankfurt am Main-Bern: Peter D. Lang, 1981.
- Schwanbeck E.A. *Megasthenis Indica*. Bonnae: Pleimesiae Bibliopolae, 1846.
- Skurzak L. Le traité Syro-Indien de paix en 305, selon Strabon et Appien d'Alexandrie. *Eos*. 1964. Vol. 54. Pp. 225–229.
- Smith V. *The Early History of India*. Oxford: Clarendon Press, 1924.
- Solinus. *Wunder der Welt*. Lateinisch und Deutsch. Übersetzt von Kai Brodersen. Darmstadt: Edition Antike, 2014.
- Stein O. Megasthenes. *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XV. Stuttgart, 1931. Kol. 230–326.
- Tarn W.W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge: University Press, 1938.
- Thapar R. *Asoka and the Decline of the Mauryas*. Delhi: Oxford University Press, 1983.
- Timmer B.C.J. *Megasthenes en de Indische Maatschappij*. Amsterdam, H.J. Paris, 1930.
- Yailenko V.P. Les maximes delphiques d'Ai Khanum et la formation de la doctrine du Dharma d'Asoka. *Dialogues d'Histoire Ancienne*. 1990. Vol. 16. Pt. 1. Pp. 239–256.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВИГАСИН Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ, Москва, Россия.

Alexey A. VIGASIN, DSc (History), Professor, Leading Research Fellow, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia.